

Секретный агент Багира

Марина Серова

Под горячую руку

«Научная книга»

Серова М. С.

Под горячую руку / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Снайперский выстрел уложил наповал пса боксера и лишь оцарапал руку девушки. Все произошло так неожиданно и быстро, что Юлия Максимова – секретный агент по кличке Багира – не сразу поняла, что все происходящее и есть часть плана, разработанного ее командиром Громом, по внедрению Юлии в окружение предпринимателя Серова. Его раненая дочь Женя и станет связующей ниточкой между ними. Зачем это нужно? И почему секретные службы заинтересовались с виду обыкновенным бизнесменом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Под горячую руку

Глава 1

Октябрьский ветер срывал с деревьев желтые листья и швырял их на мокрый от дождя асфальт, под ноги редких прохожих, спешащих по аллеям центрального парка. В этот рассветный час их лица, все как одно, казались серыми и хмурыми, одежда – однообразной и даже причины появления их в этом месте в это время были скучны и одинаковы: пересечь парк, сократить путь, избежать необходимости идти по боковым улицам или, что уж совсем несурно, двигаться вдоль высокой чугунной ограды вокруг парка.

И все они шли по делам, остывая под зонтами и кепками от блаженной постельной теплоты. Объединяло их и еще одно – при приближении каждый смотрел на меня с недоумением, осуждением и даже насмешкой.

Я их понимала. А как еще взглянешь на бегунью в легком ярко-красном непромокаемом костюме, шлепающую подошвами кроссовок по лужам и опавшим листьям, вместо того чтобы спокойно сидеть в этакую непогожую рань в тепле дома. Ах, как я была с ними солидарна! Трусцой по парку гнала меня жестокая необходимость.

Хочу я того или нет, бежать надо. Бегать приходится вот уже третье утро подряд и раз от разу решиться выйти из дома делается все легче. Привыкаю, наверное, втягиваюсь. На бег благословил меня Гром, бывший руководитель нашей бывшей же разведгруппы в Югославии.

За поворотом аллеи мелькнула белая куртка, и я прибавила ходу, чтобы не упустить ее из виду. Маловероятно, что эта куртка согревает плечи моей подопечной, рановато для нее, но проверить нужно.

Молодой парень, одетый в длинное пальто, в отвороте которого виднелся белый шарф, и в широкополой шляпе глянул сердито и не пожелал уступить дорогу – шагнул первым на узкую полоску асфальта между большой лужей и высоким бордюром. Пришлось останавливаться, терять время. Впрочем, я уже установила, что обладательница белой куртки – не мой объект наблюдения.

С объектом познакомил меня Гром неделю назад. На фотографии, которую он дал в мои руки только для того, чтобы я рассмотрела изображенного на ней человека и тут же вернула обратно, была заснята девица с худощавым вытянутым лицом, широко расставленными глазами, небольшим подбородком и толстыми губами.

Старшеклассница с осветленными волосами. За минуту с небольшим, пока я рассматривала фотографию, ее черты врезались в мою память достаточно глубоко для того, чтобы узнать девицу в толпе среди многих, подобных этому, лиц.

– Не дай ей обратить на себя внимание. О твоём к ней интересе ей знать не следует, – сказал Гром, укладывая фотографию в бумажник и пряча его за пазуху, во внутренний карман потертого кожаного плаща.

Старый плащ, простая суконная кепка и неопрятная, трехдневная щетина на щеках придавали ему вид опустившегося интеллигента, и ничто не указывало, что перед вами майор, как это принято говорить, «компетентных органов» с солидным опытом работы за рубежом, способный чувствовать себя как рыба в воде и вести соответственно и в дорогом ресторане, и на сборище уголовников.

– Имя? – удивился он моему вопросу. – Ты теряешь квалификацию, Багира. Кто же задает такие вопросы при получении ориентировки? Знаешь, у зеков есть правило трех «не»... Перестань морщиться! – покачал он с укором головой. – В их среде ценят меткое словцо, а уж если

оно к тому же содержит мысль, полезную, ну, если не для выживания, то хотя бы для благополучия в их условиях, то хранят его и передают от поколения к поколению.

Суров замолчал и глянул виновато, будто совершил проступок.

– Что-то разболтался я! – Он отвел глаза и опустил голову. – Старею, Юля. Вот видишь, потянуло на нравоучения.

Мне захотелось погладить ладонью его руку, лежащую на колене, прикрытом потертой кожей полы плаща, но делать этого было нельзя. По крайней мере, при получении задания.

– Правило трех «не», Андрей Леонидович, – поспешила я избавить его от неловкости. – С удовольствием возьму его на вооружение.

– Не верь, не бойся, не проси. Многие к этому добавляют еще и не делай, если обстоятельства к тому не вынуждают. А я бы добавил: не торопись задавать вопросы. Имя и фамилию этой малышки – он похлопал себя по карману – тебе знать не следует. Скорее всего все сложится так, что вы познакомитесь. Это должно произойти при непростых обстоятельствах, но как можно более естественно. Нехорошо будет, если она при вашем первом же разговоре заподозрит, что у тебя есть о ней предварительная информация.

Насколько я поняла моего начальника, организацию обстоятельств знакомства Гром берет на себя. Значит, знакомству – быть. Что дальше?

– Твоя задача заключается в следующем. – Суров помолчал, как всегда перед самым важным. – Надо внедриться в ее окружение. Но сделать это естественно, играя близкий каждому в наше время образ человека, не довольного своим материальным положением. Это пока все. Что дальше – будущее покажет. И мои инструкции.

– Легенда? – спросила я и пожалела. Опять тороплю события.

– На этот раз никакой легенды. Ты – это ты. То есть простая российская труженица. С подлинным именем, адресом, работой. И заработком... Юля, это важно. Не буду говорить, насколько серьезным может оказаться дело. А вот о том, что все должно быть естественным до предела, говорю тебе еще раз.

– Все понятно, – сказала я и снова вызвала его неудовольствие. Ох, строг мой начальник, бывший и настоящий!

– Не все! – отрезал он. – Слушай, Багира...

Я «накручивала» по парку четвертый круг и успела войти в то состояние, когда обувь начинает весить немного больше, а морось и прохлада перестают отвлекать на себя внимание, и оказалась в нужном месте – возле ворот по улице Храмовой как раз в тот момент, когда через них в парк входил «объект» со своим «приложением»: девушка в белой длинной и свободной куртке, в потертых джинсах и надвинутой на глаза пестрой вязаной шапочке в сопровождении пса-боксеря.

Позавчера, встретив их впервые, я с трудом заставила себя не прервать пробежку, свернуть на боковую аллею, оставить подопечных без присмотра на несколько минут и не ускорить темп бега. Сегодня это далось мне без труда. Знала, что никуда они не денутся. Дойдут по аллее до детской площадки, свернут на нее и там, в отдалении от прохожих, вяло займутся подвижными играми, пока не решат, что программа на сегодня выполнена и настало время возвращаться домой.

Время это наступит через двадцать пять–тридцать минут, которых мне хватит с лихвой для того, чтобы, расположившись с ними по соседству, в облюбованном возле лавочек месте проделать полный комплекс утренней разминки. Наверняка я им успела примелькаться до незаметности. Даже пес, посматривавший поначалу с интересом и даже взбrehнувший пару раз в первое утро, перестал обращать на меня внимание. Это было хорошо.

Я и пес занимались гимнастикой, каждый своей. Я – кланялась, стоя, доставала лбом ноги, а он бегал за палкой, которую бросала ему хозяйка. Отдавал палку и, стоило девушке поднять вверх руку, прыгал к ней на грудь, оставляя на куртке грязные следы лап. Девушка не

возражала. Более того, раза два даже рассмеялась, когда собака, оправдывая название породы, чересчур сильно ее толкала.

Все было так же, как вчера и позавчера, без изменений. Я занялась дыхательными упражнениями, а хозяйка пса посмотрела на часы и, взяв на поводок своего красавца, зашвырнула палку в кусты живой изгороди. Боксер, растрепав черные губищи и понурившись, последовал за ней через площадку к выходу. Еще секунд тридцать, не больше, и они скроются с глаз.

Проследить за ними, установить их дом, подъезд и даже квартиру было и элементарно, и невозможно в принципе. Человеку с моей подготовкой о таких вещах и говорить не приходится. Девяносто девять и девять десятых процента за то, что все пройдет гладко. Но одной-единственной десятой доли достаточно, чтобы счесть риск неоправданно высоким и отказаться от такого намерения. Гром порвет меня на части, если я «засвечусь» перед ней и завалю так по-глупому еще не успевшее начаться дело.

Пес поднял с земли первую попавшуюся ветку и с такой тоской глянул на хозяйку, что даже у меня сердце дрогнуло, хоть и недолюбиваю я собак по своей кошачьей натуре.

Девушка тоже не выдержала умоляющего взгляда своего четвероногого спутника – что-то сказала ему с укоризной, потрепала по холке и отцепила поводок.

Вновь оказавшись на свободе, пес, бросив ветку и слегка ошалев от радости, подскочил так, что едва не обнял лапищами не успевшую увернуться девушку. Ее вскрик слился с громким, коротким взвизгом. Пес рухнул на бок и, не вставая, закрутился, загребая землю сильными лапами. До меня донеслось хрипение, собака задыхалась от внезапного удушья. Девушка, с искаженным от страха и, похоже, боли лицом, прижав руку к предплечью, медленно, не сводя глаз с бьющегося в агонии пса, опустилась на подогнувшихся ногах, села на мокрый песок и, скорчившись, ткнулась лбом в собственные колени.

Мои ноги уже несли меня к ней, перебрасывая тело через скамейки и кусты живой изгороди. Все произошло очень неожиданно и настолько быстро, что я уже на ходу зафиксировала в мыслях пришедшее с небольшим опозданием понимание того, что происходящее и является тем самым случаем, о котором говорил Гром. Теперь мне надо действовать правильно и без промедления.

Оказавшись рядом, я с первого взгляда поняла, что с псом все кончено. Он уже затих. Только коротко, как-то конвульсивно вздрагивал, отчего голова с разинутой пастью все больше откидывалась назад. Песок под ним быстро пропитывался кровью.

Я присела и скорее рефлекторно, чем осознанно, оглядела окрестности, прикидывая, откуда был произведен выстрел. В доме напротив, через дорогу, были сотни окон, двускатная крыша с торчащими трубами вентиляции и хорошим карнизом. Множество подходящих, с точки зрения киллера, мест.

На оценку ситуации и вывод, что если второго выстрела не последовало сразу, то его можно уже не опасаться, мне потребовалось несколько секунд. Стрелявший сейчас скорее всего, бросив оружие, гремит каблуками по лестнице одного из подъездов, унося ноги с места засады.

Раздавшийся рядом стон переключил мое внимание на пострадавшую. Коротко, но энергично выругав себя за излишнюю, с точки зрения непрофессионала, осторожность, я поднялась с корточек и шагнула к девушке.

– Боже мой, что с вами? – обратилась я к ней с испугом и растерянностью, так не шедшими к моим целеустремленным прыжкам через кусты и скамейки. – Что произошло?

Она подняла на меня широко расставленные глаза, замутненные болью и страхом, и через мгновение они наполнились слезами. Толстые губы плаксиво скривились.

– Па-апа-а! – заныла она, вновь клоня голову вниз.

Странно! В подобных случаях маму поминают или ругаются непотребными словами.

– Что с тобой, ну?

Приподняв за плечи, я заставила ее выпрямиться, разжать пальцы и увидела кровь на разорванном рукаве белой куртки.

– Бек! Бекушка-а! – вздохнула она, увидев вытянувшегося пса.

– Ты вот что, оставь своего Бека его собачьим богам и о себе подумай! – посоветовала я с излишней твердостью. – Ты что, не поняла еще, что ранена?

Я решительно, но осторожно положила руку на место ранения. Барышня дернулась и с шумом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Такое ее поведение мне нравилось.

Кость под моими пальцами не сдвинулась, и раненая лишний раз не всхлипнула. Цела кость, а остальное, судя по несильному кровотечению, серьезным быть не могло. Снайпер сработал или из рук вон плохо, шлепнув пса вместо человека, или, наоборот, с поразительной, нет, ювелирной точностью.

Размышлять над этим у меня времени не было.

– Только не в милицию! – пропищала девица, по-прежнему кривясь от боли и слез.

– Что? – Моему изумлению, казалось, не было границ.

– Не зовите милицию! – настаивала она.

– Нет так нет.

Она так уговаривает, что можно подумать, будто это в меня стреляли.

У входа на детскую площадку остановились двое: полная женщина с сумкой через плечо и черным мужским зонтом над головой, которая, выпятив грудь, подозрительно всматривалась в нашу сторону, и старушка в рыженьком плаще с поднятым воротником. Я нагнулась к Беку и, взяв его за задние лапы, оттащила в сторону, к кустам, долой с глаз людей на аллее и вернулась к раненой.

– ...над собакой измываются! – донеслись до меня слова полной.

– Что он, неживой уже, что ли? – пролепетала старушка.

– Если не хочешь звать милицию, то не стоит привлекать внимание. – Я нагнулась над потерпевшей, собираясь поднять ее, но она обошлась без моей помощи – опираясь здоровой рукой о землю, перевернулась и встала с колен. Поддерживать ее все же пришлось.

– Надо срочно сообщить папе, – прошептала она, опускаясь на скамейку.

– «Скорую», значит, тоже не надо? Сейчас сообщишь! – пообещала я, расстегивая на ней куртку. – Кровью изойдешь, дуреха! – прикрикнула я, встретив слабое сопротивление.

Но рукав толстого свитера оказался почти сухим, и это меня успокоило окончательно, хоть она и охала, как от нестерпимой боли.

– Как звать-то тебя? – спросила я, накидывая полуснятую куртку ей на плечи.

– Женька, Серова моя фамилия. – Она показала на карман. – Там... Возьмите там телефон.

Достав, я протянула ей сотовый, но она помотала головой:

– Не могу! Вы что!

Как говорится, прошибло барышню. Она вдруг завопила пронзительно и тонко, поглядывая на мертвого Бека и сотрясаясь на вздохах. Реакция на страх, вот как это называется. Случалось мне видеть мужиков, вывести которых из состояния ступора удавалось только при помощи медикаментов. Хорошо хоть, что эта просто вопит и ничего больше.

Пришлось сесть рядом, осторожно, чтобы не причинить боли, обнять Женьку и привлечь к себе. Она ткнулась лбом в мое плечо, сдвинув шапочку на сторону, и по-детски запричитала сквозь всхлипы, поминая папоньку, мамоньку и бедного Бекушку. Мне стало ее по-настоящему жалко, и Багира во мне уступила на время место Юлии.

Я гладила ее по щеке и бормотала что-то успокаивающее, действующее на нее благотворно. Мало-помалу Женька затихла. Отстранилась, обессиленная слезами. Я вновь протянула ей сотовый, но она только назвала мне номер и имя своего отца. Трубку долго не брали,

и я предположила, что господин Серов уже убыл из дома к месту работы, и обрадовалась возможности обзавестись заодно и рабочим его телефоном.

– Да, я вас слушаю, – раздался наконец в трубке мягкий, бархатный голос.

– Николай Михайлович? – Мой голос дрогнул от разочарования – не удалось с рабочим-то телефоном.

– Вы совершенно правы, – прозвучало в ответ. – А кто вы?

Пренебрегла я его вопросом.

– В вашу дочь только что стреляли. К счастью, промахнулись, но собака убита.

– Где? – спросил он после недолгого молчания, и я подивилась его выдержке.

– Евгения в парке, на детской площадке...

– Кто вы?

Все, конец его самообладанию! Николай Михайлович задохнулся от волнения и сглотнул так громко, что я явственно расслышала этот звук.

– Что с Женькой?

– По-моему, она легко ранена, – не стала я щадить его. – Но сама говорить она сейчас не в состоянии. Понимаете, я случайно оказалась рядом...

– Вы побудете с ней? – перебил он все тем же бархатным тембром, но в голосе его зазвучал металл. – Я появлюсь очень скоро.

– Ну конечно, господи! – воскликнула я возмущенно и жалостно, и опять он не дал мне продолжить:

– Буду вам очень признателен! – Серов все-таки нашел в себе силы для вежливости, но проговорил эту фразу скороговоркой и отключился.

– Папа сейчас приедет, – по-матерински ласково обратилась я к Женьке, и она, удовлетворенно кивнув, опять доверчиво прислонилась к моему плечу.

Меня так и подмывало спросить ее, почему не следует обращаться в милицию. Глупый, конечно, вопрос, но очень хотелось услышать, как она сформулирует ответ. В ее теперешнем состоянии изобрести что-нибудь мало-мальски правдоподобное совсем не просто. Останавливала же меня обычная, примитивная житейская мудрость, полностью выражающаяся двумя стародавними поговорками: «Моя хата с краю» и «Меньше знаешь – крепче спишь». Поступить им вопреки значило бы нарушить категорическое требование Грома – представляться средним арифметическим от населения и вести себя соответственно.

Женька тихо поскуливала, уткнувшись носом в мое плечо, произнося время от времени с глубочайшей обидой в голосе: «Больно!» и «Где же папа?», а я осторожно гладила ее по спине и слегка покачивала взад-вперед, как маленькую. Из всей полезной информации, какую можно было получить от нее сейчас, даже не прибегая к «прокачке на косвенных», я решила на один-единственный вопрос, действительно безобидный со всех возможных сторон:

– Сколько тебе лет, Женечка?

– Сем... Семнадцать, – ответила она как во сне и порывисто вздохнула.

– А мне двадцать девять, – сообщила я, хотя прекрасно понимала, насколько ей безразличен мой возраст. Но молчание в такой ситуации тоже является признаком нетипичного поведения.

Стресс требует реакций, и пустой разговор – одна из них, не самая, кстати говоря, вредная.

– Семнадцать и двадцать девять, представляешь? По возрасту я вполне могла бы быть твоей старшей сестрой. А зовут меня Юлей, – представилась я, не дождавшись ответа. – Юля Максимова.

– Юля... – порадовала она меня, перестав причитать. – Тебя, Юленька, бог послал.

– Ты что, как старушка, бога поминаешь? – рассмеялась я, и она, хоть и слабо, но тоже улыбнулась за компанию. – Неужто верующая такая?

– Тут станешь верующей! – ответила Женька, и я насторожилась в ожидании продолжения, которое незамедлительно и последовало: – Бека убили! – сменила она песню о папе и боли на новую, и я поскучилась. – Юля, а здесь неопасно?

Женька оживилась, посмотрела вокруг распухшими от слез глазами.

– Не знаю, – ответила я, не задумываясь, и похвалила себя за точность реакции.

– Ой, давай уйдем куда-нибудь, а? Лучше всего домой.

Не-ет, милая! Познакомиться с твоим папой для меня важнее установления номера дома. А, познакомившись, я узнаю и то, где живет ваша семейка, и еще много всякого-разного, полезного делу.

– А ты дойдешь? – усомнилась я простовато. – Тебя же ноги не держат. Да и папа появится с минуты на минуту. А так мы с ним и разминуться можем. А?

– Да, – согласилась она покорно, и мне снова стало ее жалко.

И действительно, отбеседовали мы свое, отсидели. Двое мужчин в расстегнутых темных плащах быстрыми шагами вышли на детскую площадку со стороны аллеи, оглянулись по сторонам и направились к нам чуть ли не бегом. Хотя почему «чуть ли»? Тот, что постарше, действительно перешел на трусцу, метров за тридцать до нас.

– Папочка! – простонала Женька и поднялась ему навстречу. Девочка пошатнулась, и мне пришлось поддержать ее, но, оттолкнув мою руку, она шагнула сама.

– Что случилось, Женечка? – проговорил он быстро, обнимая ее и глядя на меня настороженно.

– Ай! – отшатнулась она. – Рука!

Он глянул на ее рукав и побелел лицом.

– Бека убили. Вон он. Папка-а!

Второй, остановившись поодаль, расставив ноги и не вынимая рук из карманов плаща, внимательно, с серьезностью дилетанта изучал окрестности.

– Бог с ним, с Беком! Как ты-то, маленькая?

В голосе Николая Михайловича звучала неподдельная тревога. Я шагнула назад и повернулась к ним спиной, но предположение о том, что они заняты только друг другом, оказалось, к счастью, неверным.

– Это Юля, – проскулила Женька. – Она здесь бежит...

– Сашка! – крикнул, не поворачивая головы, Серов. – Займись... Пойдем, Женечка, пойдем! – Он осторожно увлек ее к выходу на аллею. – Машина в двух шагах.

Поддерживая дочь за талию, он повел ее прочь, а я осталась с Сашкой и трупом пса, лежащего под кустами.

– Как это случилось? – спросил Сашка с нехорошим напором, почти враждебно.

– Могу сказать одно: это случилось здесь! – Я развела руками. – А если попробуете хамить, то, знаете, я лучше пойду. Я и так уже потеряла уйму времени!

Он мотнул непокрытой головой и улыбнулся одними губами.

– Извините, но вы сами понимаете...

– Ладно, хватит, – сменила я гнев на милость. – Я занималась вон там, гимнастику делала, а Женька здесь с собакой играла. И вдруг они упали. Было похоже, что ее пес с ног сбил. Я и не поняла сразу. Только чуть позже, когда увидела, что они не встают, заподозрила неладное... Нет, выстрела слышно не было, – опередила я его вопрос. – И вообще ничего подозрительного я не заметила. Занята была. Вы сами должны знать, что во время занятий гимнастикой не очень-то глазеешь по сторонам.

– Почему же вы думаете, что стреляли?

Я глянула на него возмущенно, как на недоумка.

– А вы на него посмотрите! – махнула я рукой в сторону пса.

– Вы его осматривали? – удивился Сашка.

– Нет. Я его к кустам оттаскивала, подальше от посторонних глаз. Женька просила не вызывать милицию.

– И вы согласились?

– А что лезть-то не в свое дело? У меня и без того хлопот хватает, чужие проблемы мне ни к чему.

Это его устроило. Пообещав благодарность хозяина, он очень вежливо спросил мое имя, адрес, номер телефона и откланялся без лишних слов.

Скорее утомленная, чем взбудораженная, я отправилась домой. О продолжении гимнастики не могло быть и речи.

Не скажу, что все происшедшее произвело на меня чрезвычайное впечатление. Попадала я в переpleты и посерьезнее, и поопаснее. Один югославский провал чего стоит, когда мне пришлось спастись от десятка бундесверовцев, настроенных весьма решительно.

А взять того парня, в Калининграде, в девяносто пятом? Непьющий, худой, безобидный на вид Коля Марьин оказался натовским шпионом с агентурной кличкой Шарк. И акулой он был не только по прозвищу. Голыми руками, без использования спецсредств уложил троих наших сотрудников, парней не хилых и в последние годы повидавших виды не в одной «горячей точке».

Ушел Коля тогда, как хвостом вильнул, как нырнул в темную глубину, из-под самого носа наших, и настигнуть его удалось только на территории сопредельной Литвы, в Таураге. Сопротивлялся он отчаянно и поэтому брать его пришлось жестко. Если бы не Стас Мартынов, командир взвода калининградских спецназовцев, своим телом заслонивший мои бока от окованных пластинами из титанового сплава подошв Акулы, быть бы мне на больничной койке с безнадежно отбитыми внутренностями.

Но и равнодушной сегодняшнее происшествие меня не оставило. Жаль было девчонку, впервые столкнувшуюся с нормальной, по нашим временам, человеческой жестокостью. Тем более что я чувствовала свою причастность к этому инциденту. Суров прямым текстом заявил, что наше с Женькой знакомство состоится при непростых обстоятельствах, а его методы работы не из тех, которые допускают всяческие рассусоливания на моральные темы.

Андрей предпочитает, как он сам говорит, конструировать эти обстоятельства, а уж конструктор из него тот еще. И будет вполне естественно предположить, что к покушению, жертвой которого стала всего лишь собака, Гром приложил свою многоопытную руку. И все это для того, чтобы я получила возможность «случайно» познакомиться с Николаем Михайловичем Серовым. Начальству виднее. На то оно и Гром, а не просто Суров Андрей Леонидович.

Но как бы там ни было, а начало положено. Николай Михайлович теперь знает, что в Тарасове по такому-то адресу проживает Максимова Юлия, к которой надо испытывать благодарность за помощь его дочери, внезапно попавшей в очень неприятную историю.

Часы показывали без пятнадцати восемь, когда я вошла в прихожую своей квартиры. Времени было в обрез и даже меньше, и я ругнула себя за неторопливость, с какой возвращалась домой из парка. Придется чем-то поступиться из обычного утреннего ритуала. Позавтракать, например, в своем рабочем кабинете. Можно, конечно, задержаться минут на тридцать. Патрикеевна, если и заметит, простит. Но не в моем характере опаздывать.

Как я ни торопилась, как ни старалась сберечь время, но одно сделать было нужно непременно и немедленно, сразу, как только я стянула с себя спортивную форму, – позвонить по телефону и попросить связи с Громом.

Долгие нудные гудки выводили меня из себя, и казалось, конца им не будет. Я ждала, держа трубку у уха, притопывая от нетерпения босой замерзшей ногой по полу, и следила, как быстро секундная стрелка обегает белый циферблат. Наконец мне ответили. Низкий прокурорский женский голос порадовал манерным «Ал-ло?».

– Ирина Аполлинарьевна? – Я с трудом, с запинкой выговорила условное имя и, как полагалось, не дожидаясь ответа, продолжила: – Я прошу вас, передайте Андрюше, да, да, тому самому, громкому, что пора бы вернуть кассету с Киплингом.

– С Киплингом? – переспросили в трубке. – Это с Маугли, что ли? Гос-споди! – прошипели: чушью, мол, какой занимаются люди. – Передам! – пообещали раздраженно и положили трубку. Хорошо, что положили, потому что я и без того с нервами, натянутыми как бельевые веревки, непременно ляпнула бы что-нибудь неподходящее в ответ на ее раздражение.

Все. Теперь можно чувствовать себя спокойнее и ждать звонка. Еще один повод не опаздывать на работу, потому что звонить будут именно туда и скорее всего не по моему номеру. Неужели сам Суров почтит меня своим вниманием? Если – да, то можно будет сделать вывод, что начавшееся дело, о котором я знаю пока очень немного, является первостепенно важным.

Глава 2

Патрикеевна, то есть Светлана Алексеевна Марцева, глава местного отделения Комитета солдатских матерей и мое прямое начальство, встретила меня в коридоре, задумчиво прохаживаясь мимо двери с табличкой «юрисконсульт». Завидев друг друга, мы с ней одновременно вскинули запястья левых рук к глазам, проверяя время. Девять часов и одна минута. Будь она проклята, если посмеет пенять мне на такой мизер! Контора наша, она хоть и комитет, но не контр же разведка в самом деле! А что бы было, если бы я задержалась на полчаса?

– Юлия Сергеевна, наконец-то! – Строгость на ее лице сменилась радушием. – Я уже богу взмолилась, чтобы вы не опоздали.

– Что стряслось? Я, кажется, вовремя.

– Звонок из городской администрации. Спрашивали вас!

От неожиданности я не сразу сообразила, что сказать, а когда нашлась, то вставить слово было уже не просто.

– Просили напомнить вам об отчете по первой части задания, – затараторила она в порыве добросовестности. – Сказали, что это срочно, и никакие уважительные причины в случае задержки во внимание приниматься не будут. А я и не знала, что вы там подрабатываете. Нет, пожалуйста, я не возражаю, – остановила она меня и словом, и жестом. – В самом деле, почему бы и нет? Здесь с работой вы справляетесь, претензий к вам никаких. Вот только, Юлия Сергеевна, – она дотронулась до моей руки, – от командировок я вас освободить не смогу. Но, согласитесь, не так уж часто вам приходится ездить.

Пока она держала речь, я успела открыть кабинет и распахнула перед нею дверь.

– Я знаю вашу добросовестность и работоспособность, Юлия Сергеевна, – продолжала она, входя в мои апартаменты, поэтому, если захотите остаться сверхурочно или уйти раньше времени, возражать не буду. Предупредите только заранее.

Все, выдохлась Патрикеевна, выговорилась. Единим духом выпалила все, что заготовила после этого звонка, и порыв ее иссяк. Очередь теперь была за мной. Надо изловчиться и не ударить в грязь лицом, воспользоваться новыми свободами, предоставленными мне с этой минуты.

Гром умный человек, и в этом случае он поступил мудро, организовав звонок от вышестоящих. Во все – и в белые, и в красные времена чинопочитание цвело на Руси махровым цветом. Теперь, если случится у меня в ближайшее время нужда не то что опоздать минут на тридцать, а на день-другой вообще исчезнуть из поля зрения моего дорогого начальства, уверена, особых претензий за это ко мне предъявлять не будут.

– Я не злоупотребляла вашим доверием, Светлана Алексеевна, уверяю вас. Работала на них по выходным.

– Ну и напрасно! – и не думала она сомневаться в моей правдивости. – Мой вам совет: успевайте все делать в рабочее время. А лишать себя отдыха ради дополнительного заработка – верный способ познакомиться с такой неприятностью, как истощение нервной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ее нравоучения прервал звонок телефона, стоящего на столике рядом с монитором и компьютерной клавиатурой.

– Привет! – раздался в трубке знакомый голос. – Это Андрей.

– Доброе утро! – отозвалась я радушно и официально.

Патрикеевна, поджав губы и округлив глаза, показала на трубку пальцем и вопросительно кивнула – они, мол? Я кивнула в ответ утвердительно – мол, они самые. Любезно улыбнувшись, Светлана Алексеевна поплыла к двери, стараясь не стучать каблуками.

– Что, и в самом деле утро доброе? Да ты че?

Гром ломал комедию, разыгрывал из себя рубаху-парня. Может, не один был возле телефона? А ведь сам позвонил, черт побери, это говорит о многом!

– Пока не знаю, – ответила я беззаботно, но почтительно. – Будущее покажет.

– Ну а так, навскидку? – не унимался он.

– При первом знакомстве впечатление положительное. Но хочется надеяться, что существует возможность познакомиться ближе.

– Гуд! – обрадовался он. – Тогда и поговорим, ладно? Да! – спохватился он. – Как там твой Маугли? Попроси его передать от меня привет Багире. Пусть скажет, что она мо-ло-дец! Да?

– Да! – рассмеялась я. – Всего доброго.

Получить похвалу от Грома всегда приятно.

День начался с крови, а продолжился комплиментами руководства. Неплохо, тьфу, чтобы не сглазить! Хорошо бы так и далее.

– Посмотрим, – прошептала я, ставя на плитку неполный, чтобы закипел быстрее, чайник. – Начало есть, а продолжение следует. Посмотрим. Как говорят гадалки – что было, что будет, что под гору бежит, что на душеньке лежит и чем сердце успокоится, когда все устроится.

Выпитого наспех стакана молока было далеко не достаточно для восстановления сил, затраченных на утренний променад, и я занялась приготовлением бутербродов, надеясь, что спозаранок судьба не пошлет посетителей на мою голову.

Между двумя большими кусками свежайшего ржаного хлеба, отрезанными поперек буханки, щедро смазанными майонезом, я поместила ровный ломоть ветчины и окропила все это рассолом из банки с маринованными помидорами. Горчица со вчерашнего дня стояла в тепле, но, за неимением лучшего, пришлось воспользоваться ею.

Мясной бутерброд, каким бы сочным и аппетитным он ни выглядел, без зелени не завершен и далек от совершенства. Зелени под рукой не было и, уговорив себя не быть чересчур взыскательной, я посыпала сей шедевр быстрой кулинарии мелко накрошенным репчатым луком.

Собрав все воедино, я оценила дело рук своих – получилось вполне сносно, здоровая и сытная еда.

Пожалуй, бутерброды – это единственное, с позволения сказать, блюдо, которое почти невозможно есть, если оно приготовлено чужими руками. Здесь каждый действует сообразно своим вкусам и изобретательности. Мне, к примеру, приходилось видеть вариант мясного бутерброда из сдобного батона, да еще со сливочным маслом. Для меня такое – труднопереносимая экзотика.

Батон и масло – сами по себе великолепное сочетание, но только в случае, если между тоненькими ломтиками батона помещены еще ломтики сыра или отмоченной в крутом кипятке брынзы или свежего спелого яблока, очищенного от кожицы, но уж никак не мяса, в любых его видах. Такой бутерброд хорош многослойным, а высота его ограничивается только способностью разевать рот.

Двух бутербродов, с брынзой и с ветчиной, мне вполне хватило, чтобы не испытывать неприятных ощущений до самого обеда. Рутинка текучки вскоре захватила меня, а там и посетители пожаловали. Их было немного, но каждый со своим делом, и я, как человек отзывчивый, вскоре полностью переключилась на исполнение служебных обязанностей.

День пролетел быстро.

Я даже не заметила, как и когда переменялась погода, прекратился надоевший дождь и рассеялись облака. А когда уже низкое солнышко подсветило снаружи бирюзовые шторы на окнах, до конца рабочего дня оставалось не более тридцати минут. Можно было смело выключать компьютер, собирать бумаги и запирать сейф. Что и было сделано без промедления и в указанной последовательности.

За несколько пасмурных дней я соскучилась по солнышку и ясному небу. Выйдя из офиса, а он у нас в здании, стоящем на самой вершине Ястребиной горы, да еще с краю, последнем в ряду перед спуском, я остановилась на высоком ступенчатом крыльце с козырьком и залюбовалась закатом.

Разных оттенков – от темнеющей синевы на востоке до прозрачной голубизны на западе, возле наполовину ушедшего за горизонт оранжевого солнечного диска, – было сейчас небо надо мной, над Тарасовым, лежащим в ложбине между холмами, над Волгой, на фоне темной воды которой переплетения моста, соединяющего берега, казались кружевными и белыми, как морозные узоры на оконном стекле.

Чудесный вид открывается с вершины Ястребиной горы. Но у этого места есть один недостаток – дует здесь всегда, как в аэродинамической трубе. Застегнув наглухо куртку, я сошла по ступеням вниз – в вечернюю тень между домами и не спеша пошла к автобусной остановке.

Утреннее событие казалось сейчас далеким и нереальным, будто увиденный накануне отрывок неизвестного фильма.

Желтый «Икарус» лязгнул дверными створками, взревел и понес меня вниз, под горку, к городскому центру, уже укрытому ранними осенними сумерками. Стараясь сохранять равновесие на дергающемся полу, я перебирала в ладони монетки, выбирая из них подходящие для оплаты проезда. Темновато в салоне, неплохо бы включить освещение. Разобравшись в мелкой наличности, я получила в обмен билет от пожилой уставшей кондукторши.

Мысли с освещения переключились на деньги, на зарплату, на уровень, так сказать, жизни, а с него – на Грома, на его нередкие в последнее время заморочки и на доллары, которыми он платил мне за выполнение заданий. Как всегда, когда жизнь недостаточно напряжена и есть возможность для пренебрежительных сомнений, подумалось: для чего мне это надо?

Не из-за долларов же в самом деле я так стараюсь. Ставка юрисконсульта в Комитете солдатских матерей не поднебесных размеров, но жить на нее можно. Без шика, но вполне сносно. Ответов на этот вопрос много, и все они сильны аргументами. Но если ни один из ответов не является окончательным, вопрос остается открытым.

В девяносто шестом, после югославского провала, всех нас вышибли из разведки, отправили в отставку всю группу во главе с Суровым, и началась новая, гражданская жизнь. Как-то сразу все рассыпались, разъехались кто куда, потерялись друг для друга.

Нимало не задумываясь, я вернулась на родину, в Тарасов. Да и куда можно было ехать в подобном случае? Только домой. Пренебрежением задавила в себе обиду на органы ГБ, обещавшие с нами несправедливо, поступила на работу в материнский комитет и постаралась покрепче забыть о том, что я Багира. Год назад мне уже было двадцать восемь, а это возраст, лишенный иллюзий.

Пора, ох пора приступать к стирке пеленок собственного карапуза. Переругиваться с соседками за место на бельевой веревке общего пользования во дворе дома и по вечерам готовить ужин, изо всех сил стараясь успеть к приходу мужа, по-детски красующегося своей усталостью. Работничек. Добытчик. Кормилец!

Такой образ мыслей и жизни имеет свои преимущества, и чем больше задумываешься на подобные темы, тем быстрее открываешь в нем своеобразное очарование. И я уже стояла на пороге такого открытия, когда одним прекрасным вечером ко мне в квартиру пришел Гром.

Да, сам Андрей Леонидович Суров почтил меня визитом. Странно было видеть его не в мятом камуфляже и даже не в парадной, с иголки, форме с майорскими погонами на плечах и наградным «иконостасом» на груди, а в добротном, не очень дорогом и в меру поношенном гражданском костюме с хорошо подобранным галстуком.

Я обрадовалась Андрею и быстро прикинула, что по-настоящему изысканное можно соорудить, затратив на это не более двадцати минут, из снеди, имеющейся наготове в закромах. Но вечер воспоминаний не получился. Суров вновь становился Громом – возвращался

в систему, да не просто так, а с повышением, дающим право на относительную самостоятельность в работе.

– Я формирую спецгруппу, – сообщил он без обиняков мне как старому, проверенному и заслуживающему безусловного доверия товарищу. – Группу, состоящую в основном из специалистов, на которых никогда не будет заведена служебная карточка или персональное досье ни в одной из российских спецслужб.

И мне нужна Багира, – заявил он, промолчав целую минуту.

Так неожиданно это было, так не соотносилось с моими житейскими, в далекое будущее уходящими планами, что я не сразу определилась с ответом. А найдя его, не поспешила выложить. Не хотелось огорчать его отказом хотя бы до того, пока он не распробует как следует тартинки с черной икрой, приготовленной из пшенно-манной смеси, ничем – ни видом, ни вкусом, ни ароматом – не отличающейся от настоящего деликатеса.

Но, когда Суров, умяв все без остатка, расслабил узел галстука, откинулся на спинку стула и достал сигарету, я... согласилась.

– Бывают, и нередко, ситуации, когда действовать законным путем невозможно, – объяснял он мне, потягивая кофе. Настоящий и очень хороший кофе, а не подделку какую-нибудь вроде икры. – Или невозможно, или неэффективно. А действовать надо, и по-другому – нельзя. Группа нелегалов будет существовать именно для таких действий.

– На общественных началах? – поинтересовалась я хлебом насущным.

– На валютных! – рассмеялся он, и я не стала задавать вопроса об источнике финансирования. Меньше знаешь – крепче спишь. Спросила о другом, гораздо более важном:

– А что будет делать Багира?

– Багира, как всегда, будет работать на самом острие иглы. В логове врага.

И вот с тех самых пор, раньше – реже, а в настоящее время все чаще, я снова становлюсь Багирой. Только теперь не в Югославии и не в Прибалтике, а в своем родном Тарасове. Но вряд ли мне от этого живется легче или безопасней...

Под грохот дверей и рев двигателя автобус медленно отвалил от остановки и с солидной уверенностью влился в поток транспорта. Я оказалась среди густой толпы, движущейся в обоих направлениях, рядом со своим домом.

На каждом шагу попадались нужные магазины, в которых можно отыскать многое для качественного пополнения продуктовых запасов, разнообразие которых, как это известно любой настоящей хозяйке, всегда оставляет желать лучшего. Торопиться было некуда, поэтому я позволила себе увлечься и попала к дому только после того, как зажглись фонари вдоль улиц и на домах, над подъездами. Довольная результатами экскурсии, загруженная сумками, я поднялась на свой этаж и, переведя дух, занялась поисками ключа. А когда он оказался наконец в замочной скважине, услышала сзади негромкий мужской голос:

– Юлия Сергеевна Максимова, это вы?

Любой человек, каким бы он ни был, дернется от неожиданности, когда на полутемной и, что главное, пустой лестничной клетке вдруг окликнут его по имени.

– А вы кто? – спросила я у невысокого, средних лет мужчины в серой замшевой куртке, стоявшего поодаль, на ступеньках лестницы.

– Серж, – представился он. – Я от Серова.

Все! Я стала Багирой при первых звуках этой фамилии. Багирой, которая во что бы то ни стало должна продолжать вести себя как можно более естественно.

– Серж от Серова, красиво! – усмехнулась я, с порога забрасывая сумки в темную прихожую и притворяя дверь. К себе домой я этого субчика не приглашу. – А от какого, позвольте узнать, Серова?

– От Николая Михайловича! – удивился он. – Вы что, забыли? Сегодня утром, в парке...

Да, сегодня утром в парке стреляли в Женю Серову. Кто и почему стрелял, мне, Юлии Максимовой, всего лишь юрисконсульту, и неизвестно, и неинтересно. И никаких своих соображений на этот счет я не имею. А этот... крендель, он может быть от Серова, но может и от тех, кто стрелял. Откуда мне знать, чего они хотят от случайного свидетеля!

– Не отвлекайтесь на объяснения, – попросила я, поворачиваясь к нему. – Что вам от меня нужно?

– Николай Михайлович поручил мне переговорить с вами насчет утреннего происшествия. Про Женьку, милицию, – он запнулся и закончил, понизив голос: – Про вознаграждение. Он благодарен вам. – Серж шагнул ко мне. – Что, так здесь и будем разговаривать? Темы вроде не те...

Я молча сдвинулась в сторону, сохраняя между нами первоначальную дистанцию.

– Вы боитесь меня?

– Опасаюсь. Не хочу неприятностей.

– Каких?

– Всяких.

– Мне кажется, вы меня не так поняли.

По выражению его лица было видно, как он удивился и раздосадовался. Несомненно, если бы не поручение, плюнул бы и ушел прочь от вздорной бабенки, какой я ему сейчас представлялась. Ну, разумеется, Серега, от Серова ты, от кого же еще? Но я должна сомневаться. Ведь стреляли же! А, сомневаясь, бояться. А, боясь, быть, хотя бы для начала, колючей, дерзкой и стараться отделаться от тебя, Серж, не виденного ни разу, как можно скорее и по возможности тише.

– Знаете, давайте считать, что я не поняла вас совсем, – предложила я вполне миролюбиво. – И... проваливайте, пожалуйста.

– Не могу, – развел он руками, – не могу проваливать, не выполнив поручения.

– Хорошо, идите вниз. Поговорим на воздухе.

Серж в сомнении шагнул к ступенькам и обернулся, положив руку на перила.

– А вы?

Дурак!

– Следом я, следом!

Спускаясь, он несколько раз оглядывался и принимался бормотать что-то в оправдание своей нерасторопности, но замолкал, видя, как я настороженно останавливаюсь на безопасном от него расстоянии.

Выйдя из подъезда, он подождал на крылечке и лишь тогда, когда я оказалась рядом, на виду у многочисленных в это время прохожих, шагнул дальше, уже не заботясь о том, иду я за ним или нет. Давно бы так!

– Николай Михайлович извиняется за то, что не смог прийти сам, и просит передать вам свою благодарность и еще...

Но здесь я уже была в своей тарелке.

– Я благодарна Николаю Михайловичу за его благодарность, – перебила я. – И, знаете что, оставьте меня в покое. А если те, от кого вы явились, будут на вас за что-либо в претензии, объясните, что Юлия Максимова ничего не знает, ничего не видела и ни сегодняшним утром, ни вчерашним ни в какие неприятности не ввязывалась и ни в чем необычном не участвовала. Я вообще ничего не видела, ничего не слышала и говорить, а тем более рассказывать, мне не о чем и некому.

Опять я его удивила, но не слишком. По-моему, он начал от меня уставать.

Серж постоял, пошевелил мозгами, глядя на меня, и пробормотал в сердцах:

– Ну и черт с тобой! – Он повернулся и, затолкав руки в карманы, пошел вдоль дома к выходу со двора.

Я с торжеством смотрела ему вслед и поздравляла себя с правильным поведением, несмотря на досаду от того, что так и не пришлось узнать, в какой форме собирался отблагодарить меня Серов. А любопытно было! Но сейчас не благодарность его была мне нужна, хоть и не отказалась бы от нее в более мирное время.

Серж завернул за угол и исчез. И я пошла восвояси, чувствуя легкое разочарование, которое, конечно же, не имело значения.

Что мне благодарность, пусть даже выраженная в солидной денежной сумме, но полученная из вторых рук? Нет, милейший Николай Михайлович, мне нужны вы. Очень хочется познакомиться поближе. Хорошо бы добиться вашего расположения. А благодарность... Пусть она послужит первой ступенькой на пути к нему.

Лучший способ избавиться от ненужных впечатлений – отвлечься, переключиться на что-нибудь приятное. Но это надо уметь. Я умею.

Из принесенных продуктов можно было приготовить простую, но такую великолепную во всех отношениях вещь, как молочный бисквит, и обойтись при этом без духовки.

Взбивая из сметаны крем, я следила за бесконечной перепалкой героинь бразильского сериала и напевала что-то. Наконец украсив свое произведение кулинарного искусства самыми крупными ягодами из клубничного варенья, я поставила бисквит на подоконник и – до завтра.

Чайник на плите погромыхивал крышкой в нетерпении согреть меня кофейком. Я стояла у стола и любовалась делом рук своих. Все было как надо! И в это время зазвенел звонок в прихожей. Серж вернулся?

Напрасно я состроила грозную мину, отпирая входную дверь. Ангелочком с растрепанными волосами в гости ко мне заглянула Танечка Жлуктова – младшенькая из соседской детской четверки.

Ох, не успела я убрать бисквит с глаз долой! Как расширились Танюшкины глазенки, восхищенные такой красотой! И как трудно оказалось объяснить ей, что этот шедевр на деле пока еще полуфабрикат.

Через несколько минут верхушки кремовых сугробов вместе с клубничинами были безжалостно сняты и положены в самое глубокое блюдо.

Отведя души чаем, кофе и всеми атрибутами, подходящими к этим напиткам, мы с гостьей перебрались в комнату, к мягким игрушкам, которых у меня великое множество. Большинство из них, кстати, представляют собой всяческих зверей кошачьей породы.

* * *

Утро достучалось до моего сознания писком будильника со столика, стоящего у изголовья кровати. Выглянув на балкон и выяснив погоду, я натянула на себя все тот же красный спортивный костюм и вышла из дому. Утро выдалось ясным и холодным. Заморозки подсушили вчерашнюю слякоть, посеребрили траву на газонах. Скоро и солнце взойдет. Жаль, что за домами я этого не увижу.

Я трусцой пробежала мимо детской площадки, поглядывая на то самое место. Когда они пса убрали? Ведь сразу, по запарке, позабыли о нем. А может, и бросили дорогого друга.

«Моя хата с краю!» – крутила я про себя фразу, вживаясь в образ, так как знала, что понадобится он мне вскоре. И злилась отчего-то на все на свете, несмотря на хорошую погоду.

Черт возьми, ну чего бы проще? Установить адрес Серова, не прибегая к официальным методам, – элементарно! Существует десяток способов, бери любой, действуй! Уверена, что к полудню, начиная с этой минуты, я сумела бы выяснить, где он живет, а ближе к вечеру обеспечила бы возможность слушать и фиксировать на пленку каждое слово, произнесенное в квартире Серовых даже шепотом. Это – во-первых.

Второй этап – пронаблюдать за передвижениями Николая Михайловича, радиофицировав его машину, рабочий кабинет и его верхнюю одежду. Уже после этого информация попрет валом, и тогда можно будет заняться его окружением.

В общем, три-четыре дня, это самое большее, и Гром будет знать о «клиенте» и его делах всю подноготную, включая размеры банковского счета и периодичность половой жизни. Неужели Суров не в состоянии достать два чемодана со спецоборудованием, дать их в руки двум толковым исполнителям и прикомандировать их мне в помощь? Скупой платит дважды.

Нет, никогда Андрей Леонидович скупым не был. Стало быть, не информация об «объекте» первостепенна на данном этапе. Что же? Я, конечно, понимаю, что исполнителю не полагается знать больше необходимого для успешного выполнения задания, но и исполнитель – человек и, бывает, мучается от любопытства. Этот самый человек наивно считает, что легче было бы работать с «объектом», строя свое поведение в расчете на перспективу.

Ладно, начальству видней. Работая с Громом, я много раз убеждалась в истинности этого саркастического утверждения. А что касается любопытства, то проще не бывает: поживем – увидим, и все тут!

Кстати, насчет «увидим», не Серж ли мелькнул за деревьями, на соседней аллее? Куртка точно такая, как у него, копия! Вот это здорово! Неужели новый «привет» от Николая Михайловича? Если так, то сплеховала Багира – дальше некуда. Пока я злилась, рассуждала на пустопорожние темы и самоуспокаивалась, меня отследили. Причем так, что заметила я их слишком поздно. Вот что значит гражданское существование, мягкие игрушки и молочные бисквиты на подоконнике!

В ровном темпе, ни на йоту не сбив установившегося дыхания, я добежала до поворота и так же размеренно пустилась в погоню за серой замшевой курткой, то и дело скрывавшейся за спинами редких прохожих, а когда приблизилась, то обрела полную уверенность в том, что это был Серж. И здесь он был из-за меня. В делах подобного рода совпадений не бывает. По крайней мере, на них не рассчитывают.

– Юлия Сергеевна Максимова, это вы?

Пришлось споткнуться от неожиданности.

– А это вы? Гос-споди! Вы что, шпионите за мной?

– Доброе утро, – поприветствовал меня Серж, не обратив внимания на мое пренебрежение, и заявил радостно и во всеуслышание: – С вами Николай Михайлович сам поговорить хочет.

– Какой Николай Михайлович? – воскликнула я раздраженно. – Что вы мне заниматься мешаете?

– Да Серов же! – ответил он обескураженно. – Отец Жени.

– Понятно, – как бы «въехала» я. – И где он?

– Сейчас придет.

– Что ему от меня нужно? Зачем я понадобилась... как его, Серову, да?

– А вы уверены, что понадобились? А-а! – отвернулся он. – Говорите с ним. Не мое это дело!

Я прыснула, а затем, не удержавшись, рассмеялась и даже ткнула Сержа кулаком в плечо. Тычок он принял и даже качнулся шутейно, но возмущенное выражение лица не переменял.

– О какой ерунде мы толкуем, Серж, а? Ведь и не мое тоже, а серовское это дело. Так, может, ну его к черту! Скажешь шефу, что не встретил меня, и пусть катится он со своей благодарностью. Идет?

– Нет, – понуро отказался Серега, – не выйдет. Поздно. Вон он из машины на нас смотрит.

Хорошее у Сереги зрение, острое. Нет, машину увидеть и мне оказалось по силам – вот она, за деревьями и копиями ограды отстаивается – черный «Вольво», чистый до глянца, сияет темными стеклами окон, сквозь которые никого разглядеть невозможно.

– Пойдем, а? – попросил Серж хмуро и жалостно. – Если опять у меня с тобой сорвется, он будет делать выводы.

Опричник он, слуга. Пока еще «ломает» себя, чтобы подчиняться. За место держится. Ничего, привыкнет. Как Сашка.

Дверца машины мягко чавкнула, отворяясь, когда нам до нее оставалось еще с десяток шагов, и из-за руля на свет божий вылез Сашка. Черный плащ, черный костюм, белый шарф, короткая стрижка и суровый взгляд. Работает добрый молодец под итальянского мафиози. Под «крутого».

Вторая дверца отстала от своего притвора с тем же звуком, но из нее никто не появился. Меня дожидаются. Сашка сделал знак Сержу, и тот остановился, чтобы мы с «шефом» могли встретиться один на один. Я невольно замедлила шаг. Как-то до киношного несерьезно они все обставили. Или стиль у этих людей такой?

К открытой дверце я подошла одна. Серж с Сашкой встретились позади машины и остались там, перестали обращать на меня внимание. Слегка нагнувшись, яглянула в салон – да, это отец Женьки, без всякого сомнения. Дуется на меня, стоящую на солнышке, из темноты своего салона как мышь на крупу.

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна!

– Николай Михайлович? Здравствуйте.

– Не хмурьтесь, Юленька.

Серов выставил наружу ногу, но вылезать не торопился. Я краем глаза увидела, как Сашка отодвинулся от Сержа, закрутил головой, осматривая окрестности. Как неуклюже он пытается строить из себя телохранителя! Специалист хренов!

Наконец-то! Выкарабкался господин из своей кареты, шагнул на тротуар.

– Не хмурьтесь, – повторил он с очаровательной улыбкой. Да, улыбка у Николая Михайловича оказалась действительно очаровательной. На вид ему не дашь больше сорока пяти. Взгляд мягкий, глаза слегка навек под густыми, с изломом бровями. Нос длинный, узкий, с подвижными ноздрями. Четко очерченные, в меру полные губы. Вытянутое лицо с раздвоенным подбородком, со впалыми щеками, но не скуластое. Румянца нет, как нет и нездоровой бледности или желтизны. Седина на висках. Все! Нарисовано. Я его теперь узнаю в любой толпе, даже отпусти он усы с бороною.

– Ничего не опасайтесь. Ни во что недостойное мы вас не втянем. А за назойливость и беспокойство извините. Надо же было как-то с вами встретиться для разговора.

– У вас своеобразная манера успокаивать, – усмехнулась я. – От таких слов спокойней не станет.

– Бросьте! Вы не производите впечатления робкой.

– Все просто. Вчера, из человеколюбия, я влезла не в свое дело, к которому не хочу иметь никакого отношения. Я сказала уже, вот ему – Сашка, как только я на него указала, поспешно отвернулся, – что ни к чему мне чужие дела, со своими бы управиться. А насчет робости... – Я помолчала, подбирая правильные выражения, а Серов терпеливо ждал, серьезный и благожелательный. – Как же не опасаться, если человек, в близких которого стреляют на улице, ищет со мной встречи для разговора?

Опять в ответ я от него не дождалась ни слова, хотя пауза получилась приличная. Пришлось высказываться до конца.

– Я согласилась подойти к вам только для того, чтобы, выяснив все, что хотели, вы оставили бы меня в покое.

– Так... – он улыбнулся одними глазами, – а коли так, то, значит, вы расскажете немного о себе.

– Пожалуйста! – пожала я плечами. – Так неожиданно... Спрашивайте.

– Женщина вы свободная. В том смысле, что живете одна, без семьи, – это прозвучало утверждением и ответа не требовало. – Вы бегаєте по утрам, а дамы, обремененные мужем и детьми, такой возможности не имеют. Как у вас с заработком?

– На жизнь хватает.

– Я хочу предложить вам деньги. Не обидитесь?

– В качестве благодарности?

– Не только.

Николай Михайлович мягко и просто взял меня под руку, повел по безлюдному тротуару вдоль парковой ограды.

– И для того еще, чтобы поддержать вашу замечательную позицию невмешательства в чужие дела.

– То есть чтобы я держала язык за зубами? С удовольствием. И за деньги я не обижусь.

Он выглядел довольным. Тонко улыбался, быстро, коротко поглядывая на меня.

– Почему вы вчера прогнали Сергея?

– Подумалось вдруг: а ну как стрелявшие захотели избавиться от свидетеля?

– А вы осторожны, – проговорил он задумчиво и замолчал. Хотела я сказать, что вы, мол, умны не слишком, но сдержалась и выдала лишь фразу:

– Что это за приемы?.. Посудите сами, вечером, в подъезде поджидать, заговаривать... Не проще ли было позвонить и договориться о встрече? Номер моего телефона у вас есть. Я продиктовала его вчера вместе с адресом вон тому, в плаще.

Сашка, следовавший за нами в некотором отдалении, едва завидев, что шеф обернулся, ускорил шаг, но Серов коротко дернул головой, указав ему сохранять дистанцию.

– Да, вы правы, получилось как-то не совсем разумно. Нервы, Юлия Сергеевна, нервы. Хотелось побыстрее увидеться, заручиться вашим обещанием не распространяться о произошедшем. Ведь целый день прошел. Масса встреч, подруги, знакомые. Как не поделиться?

– У меня были основания не распускать язык – я боялась. Догадалась, что вчера выступила в роли нежелательного свидетеля.

– А сегодня вы от страха пришли позаниматься на то же самое место?

Ох, как вкрадчиво у него это получилось! А ведь действительно свидетель я не только для стрелявших, но и для него, Николая Михайловича Серова.

– Да, на то же самое. Серж, там, в подъезде, объявил, что послали его вы. Я не поверила ему, так же вот, как вы сейчас не верите мне на слово, а доказательств он не привел. Но возможность того, что он действительно от вас, исключить было нельзя. Я поразмыслила и пришла к выводу, что и для вас тоже являюсь нежелательным свидетелем, что оказалась в результате глупого человеколюбивого порыва между Сциллой и Харибдой. Куда ни кинь – всюду клин, Николай Михайлович. В таком положении дома отсиживаться бессмысленно. Если захотят – достанут. Не те, так эти. Вы же знаете, наверняка у дочери выспросили, что я каждое утро в парке занимаюсь гимнастикой, и если Серж – ваш человек, то сегодняшним утром здесь он или кто-нибудь вместо него обязательно будет меня ждать. Так что нашу встречу я вычислила заранее.

– Вы, Юленька, кем работаете?

– Комитет солдатских матерей. Юрисконсульт.

– А раньше?

– Служила в армии.

– Где?

– В Чечне. Снайпером, – поспешила я выложить, чтобы поставить точку над i.

– Теперь понятно, почему вчера вы вели себя с таким спокойствием.

«Господи, двух зайцев убила!» – обрадовалась я и посмотрела на Серова с гордостью.

– Снайпер-юриисконсульт, – произнес он медленно, и его шутка мне не понравилась. Издевкой от нее пахло.

– Скажите, пожалуйста, Юлия Сергеевна, что вы обо всем этом думаете? Вы наверняка умный, должно быть, повидавший всякое человек, не можете не иметь своего мнения об истории, в которую попали действительно неосторожно.

– Думаю, что вы человек, имеющий решительных и на многое способных врагов.

– Bravo! – Он даже в ладоши хлопнул. – Вы хорошо уходите от ответа. Еще одно свидетельство того, что в этой очаровательной головке присутствует ум.

– Не нравится? – Я почувствовала, что краснею, как студентка от нескромного комплимента преподавателя, и это оказалось кстати.

– Что вы! – возразил он. – Разве может не нравиться ум в человеке? Вы были снайпером. Скажите, почему они промазали?

– Вы о выстреле? Николай Михайлович! – пропела я жалостно. – Нет мне до этого дела, ну сколько повторять можно! Все, что в связи с этим меня как-то задевало, я обдумала, выяснила для себя и уже рассказала вам. А в остальном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.